

ЕВГЕНИЙ ИВАНОВ

Различая национализм: проблемы метода как проблемы практики

Бег по кругу: круг первый, дискурсивный

Дьявола... никогда не называют его собственным именем... иначе он может явиться сам — с выпяченными когтями, готовый вредить. Как правило, крестьяне... называют его Другой или Этот.

Claude Seignolle
«Сказание о Дьяволе»

Рожденный классической социологией и политологией взгляд на этничность и национализм как реликт прошлого все чаще сам объявляется утраченным прошлым.

Маркс, Дюркгейм, Зиммель, Вебер мало интересовались этническими формами групповой солидарности (См. *Malešević-2004*). Классики, не отвергая реальности феномена, не видели резона тратить время на то, что, по их мнению, не имело будущего.

Склонные к категоричности основоположники марксизма с предельной ясностью сформулировали эту позицию в «Манифесте коммунистической партии»: «Национальная обособленность и противоположности народов все более и более исчезают уже с развитием буржуазии, со свободой торговли, всемирным рынком, с единообразием промышленного производства и соответствующих ему условий жизни. Господство пролетариата еще более ускорит их исчезновение» (*Маркс-1940, 154*).

Конечно, другие «отцы основатели» социологии описывали перспективы меняющегося мира иначе, но неизменно свободным от этнических и национальных различий. Что примечательно, зачинатели самой идеи национализма — они же классики либерализма — думали так же. Джон Стюарт Милль считал сильное «чувство национальности» неременным условием для объединения членов сообщества под общим правительством. В последующем, по мнению Милля, представительное правительство ликвидирует национальные различия внутри того, что оно представляет (*Spenser and Wollman-2002, 7*). Аналогичным образом рассуждал и Эрнест Ренан, автор наиболее часто цитируемого определения нации как «ежедневного плебисцита» (*Renan-1882: 17*).

На этом фоне последующий «взрывной рост» (*Eriksen-2002, 1*) литературы об этничности и национализме выглядит неисполнением пророчества классиков, что само по себе является достойным внимания фактом. Как и то, что свою современную реальность национализм утверждает через повторное отрицание собственной актуальности.

«Мы увидим “национальные государства” и “нации” или этнические/языковые группы как уходящие в прошлое... Нации и национализм будут существовать в истории, но в подчиненных и часто совершенно незначительных ролях» (*Hobsbawm-2004, 191*), — пишет на излете XX века Эрик Хобсбаум, дословно повторяя уже звучавшее более века назад предсказание. Затем выражает в этой связи осторожное недоумение: «по неясным причинам, последние два десятилетия стали для литературы о нациях и национализме временем особой плодovitости» (*там же, 3*).

В отличие от Хобсбаума, для Роджера Брубакера и Дэвида Лэйтина причины актуализации националистической повседневности не представляют загадки. Виновник найден и определен. Это само академическое сообщество, созидающее проблему *ex nihilo*.

Сегодня, мы... не столько слепы по отношению к этничности, сколько возможно ослеплены ею. Наша склонность к ее моделированию может привести нас к переоценке размеров этнического насилия через необоснованное виденье его как повсеместного и таким образом к умножению примеров «этнического насилия» (*Brubaker and Laitin-1998, 428*).

В понимании авторов слова делают вещи. Поэтому проблема актуальности национализма формулируется исключительно как проблема ложной актуальности его дискурса. Проще говоря, национализм докучает лишь постольку, поскольку общество говорит о нем. Отсюда и предлагаемый путь решения — «устранение слова [нация] из языка науки и политики» через проведение «процедуры одновременного отказа от использования слова его основными потребителями» (*Тишков-2003, 151, 168*). Примеры практического воплощения подобных процедур мы наблюдаем повсеместно, будь то «запрет на хиджабы» во Франции, «карикатурный скандал» в Дании, «письмо пятисот» и «антифашистский пакт» в России.

Что остается вне наблюдения глашатаев дискурсивной стерилизации публичного языка, так это то, что подобные «процедуры» и отрицаемые ими нация и национализм сообразованы [Rekursionen] друг с другом, где запретительные практики являются не более чем вариантами все тех же националистических практик и наоборот. Для принуждения других участников социальных отношений к прекращению коммуникации по поводу национализма, приходится проговаривать, писать, публиковать массовыми тиражами тексты, совершать действия и поступки, которые сами по себе есть осуществляемая и инициирующая коммуникация национализма. Так, в переполненном вечером пятницы пивном баре, пытаясь перекричать гомон толпы, мы говорим громче, тем самым заставляя посетителей за соседними столиками также повышать голос, что, в свою очередь, принуждает нас дальше напрягать голосовые связки...

Участвуя в процессе «декодирования», «демоделирования» и «деконструирования» национализма, мы неизбежно подключаемся к процессу его перекодирования, передекодирования и переконструирования, т. е. повторяющемуся циклу

его воспроизводства, а значит актуализируем и его социальную фактичность (см. Bourdieu-2005, 220). Или, как формулировал Никлас Луман: «описанное осуществляет описание. Как бы не определяли предмет, само определение является операцией этого предмета», даже если это делается «в форме некоей негативной терминологии, которая лишь отрицает то, что она определяет, и при этом оставляет открытым то, что наличествует вместо этого» (Луман-2004, 15, 38).

Отрицание утверждает отрицаемое.

Бег по кругу: круг второй, методологический

Дьявол — тварь, но в то же время и «творец»... Дьявол «существует» — но в то же время не существует.

*Александр Махов «Антиномии
и парадоксы демонологии»*

Автологию самоотрицания мы наблюдаем и в том методе, которым пользуются все модернистские теории национализма, независимо от инструментария и подходов. Лишение *нации* статуса сущностной реальности осуществляется через опредмечивание другой реальности, государства.

Так, например, Валерий Тишков прибегает, по его собственным словам, к семантическому и конструктивистскому подходам для демонтажа нации. В своей книге «Реквием по этносу» российский исследователь весьма аргументировано демонстрирует историческую изменчивость смыслоупотреблений понятия *нация* и отсутствия у него объективных характеристик «по причине сплошных исключений из правил» (Тишков-2003, 137). Согласно Тишкову, нация — это «слово-призрак» со «смутным содержанием», национализм — «лжекатегория» (155; 157; 167). Любые дискуссии по поводу нации, по мнению автора, имеют смысл только, если понимать под ней исключительно государственную общность, имеющую сущностные характеристики:

Государства имеют больше оснований называться нациями, поскольку только они имеют возможность фиксировать свое членство через гражданство, имеют охраняемые территориальные границы, располагают бюрократиями, образовательными и информационными институтами и обладают делегированным правом на отправление насилия в отношении членов этой коалиции... Нация служит символом в утилитарных целях достижения консолидации и общей лояльности населения по отношению к государству. Общая гражданская идентичность, которая достигается через понятие [!] нация, не менее важна для государства, чем конституция, общие правовые нормы и охраняемые границы (158).

Таким образом, автор, определяя *государство*, одновременно производит определение и понятия *нация*, которому предварительно отказал в праве быть определенным. Нация, по мнению автора, это «общая гражданская идентичность», являющаяся важным сущностным компонентом государственной организации. Но, как мы помним, одновременно она же является и «словом-призраком». Автор умалчивает, каким образом он разрешает это явное противоречие. Так же не объясняется, почему заявленные в отношении одного понятия

теоретические подходы не применяются к другому, которое присвоило себе «вещно-призрачный» смысл первого. Хотя очевидно, что термин *государство* демонстрирует не менее изменчивую историю словоупотребления, и чье современное значение оформилось не ранее второй половины XVII века, не раз видоизменялось в последующем (см.: Bartelsson-2001; Hay, Lister and Marsh-2006; Lowie-1927; Luhman-1990; Mann-2003; Nettl-1968; Skinner-1999; Tilly-2002).

То же самое можно сказать и относительно «объективных» характеристик *государства*, перечисляемых Тишковым. В частности, Иммануил Валлерстайн отмечает, что из почти двухсот государств, являющихся сегодня членами ООН, только в отношении 11 можно признать, что они сохранили условно неизменными свое местоположение, административное единство и имя на протяжении хотя бы нескольких веков (Wallerstein-2002). Кроме того, всеми тишковскими характеристиками обладает Евросоюз, не являющийся государством, в то время как ряд его государств-членов не могут похвастаться некоторыми из них, например, охраняемыми территориальными границами.

Таким образом модернистская методология национализма оказывается в логическом круге, выход из которого возможен либо через признание за нацией ее собственной субъектности, либо через лишение таковой государства и определения его вместе с нацией в качестве «лжекатегорий» и «слов-призраков». Но в этом случае, будем ли мы наблюдать абстракцию *нация* внутри абстракции *государство* или наоборот, зависит от выбранной наблюдателем позиции. Проблема метода оборачивается проблемой вкуса, а дискуссия о первичности «яйца-нации» или «курицы-государства» оказывается не более чем борьбой за монополию легитимной номинации (Бурдьё-1993, 72). В чем, кстати, Тишков признается без всякого смущения (см. Тишков-2003, 154). Но, осуществляя выбор в пользу «националистической» или «огосударствляющей» стороны наблюдения, мы обосновываем свою позицию через формулирование различий между одной стороной и другой, тем самым признавая ее — другой стороны — реальность.

Наблюдатель может описать объект только, если существует, по крайней мере, еще один другой объект, который наблюдатель может отличить от первого» (Maturana-1970, 8).

Бег по кругу: круг третий, эмпирический

Дьявол враждебен порядку мира и «неупорядочен» сам — и все таки он неким образом включен в этот порядок и даже имеет свой собственный порядок... Дьявол изгнан из мира — и в то же время он «князь мира».

Александр Махов «Антиномии
и парадоксы демонологии»

Нынешняя борьба с национализмом в России полностью вписывается в его модернистскую модель осмысления.

С одной стороны, национализм объявляется уделом маргиналов, дискурсивно приравнивается к фашизму. С другой стороны, признается широкое

распространение националистических идей в обществе; понятия «нация», «национальное» постоянно присутствует в языке государственных деятелей.

В полностью политизированном контексте «мутность содержания» (Тихиков) терминов *нация* и *национализм* обусловлено подчиненностью их лексики властной эмпирике. Одни и те же националистические практики обозначаются по-разному в зависимости от того, насколько они представляют угрозу или выгоду для тех, кто монополизировал власть их обозначения. Критерием их легитимности служит не закон, но «режим правды» (Foucault-2002b, 132). Вот один из примеров навязывания «истинной» правды о «русском фашизме»:

Вчера ВЦИОМ обнародовал результаты опроса, посвященного пропаганде националистических идей... Подавляющее большинство опрошенных (61 %) затруднились назвать какую-либо партию или движение в России фашистской, зато среди тех, кто коричневые политструктуры идентифицирует, большинство (15 %) указывают на Национал-большевистскую партию (НБП). Эксперты говорят, что это заблуждение. «НБП нельзя отнести к фашистам, — считает содиректор Центра новой социологии и изучения практической политики... Александр Тарасов, — их идеология — анархо-империалистическая с национально-освободительным уклоном, но не русским национальным...» («Ведомости», 21.02.2006, А2).

Во-первых, приведенный отрывок демонстрирует нам позицию эксперта, согласно которой политическая партия безоговорочно определяется фашистской при наличии в ее идеологии «русского национального уклона». Таким образом производство смысла *фашизм* осуществляется не по границе смыслов «законный/незаконный», а по линии «русский/нерусский». Эксперт, отождествляет слова русский и фашистский на смысловом уровне, хотя разделяет их на понятийно-описательном. Но семантика дискурса всегда диктует его лексику. В результате, согласно контенту 922 центральных печатных российских СМИ, из 2591 упоминаний слова *национализм* в 2005 году 65,2 % случаев составляло словосочетание «русский национализм», а из 6422 упоминаний термина *фашизм* — 51 % «русский фашизм»¹. Заметим, что это был юбилейный год празднования победы над гитлеровским фашизмом.

Во-вторых, эксперт считает только свое понимание фашизма истинным, отрицая другие смыслы понятия. Перед нами типичная претензия интеллектуальной элиты на монополию истинного знания, являющегося не более чем «козырной картой» власти (см.: Bourdieu-2002, 98–100, 200–202). Различая инаковый смысл «русского фашизма», эксперт отрицает его фактичность через определение в качестве ложного «другого». Но, отвергая иную семантику понятия, эксперт отказывается от распознавания стоящей за ней реальности, а значит возможности ее осмысления. Таким образом процесс познания экспертом национализма оказывается запертым в границах, очерченных его собственным «режимом правды». Он занят процессом самонаблюдения, а думает, что наблюдает окружающий мир (см.: Maturana and Varela-1973, 75).

Различение, служащее для наблюдения, всегда имеет слепое пятно. Оно обнаруживается там, где должна быть проведена граница, которая разделяет обе стороны раз-

¹ Источником данных является информационно-поисковая база «Интеграм».

личения. Разделительная полоса должна быть проведена как ненаблюдаемая, ибо наблюдатель обязан подсоединиться либо к одной, либо другой стороне различения (Луман-2005, 17).

В результате, доступные анализу эмпирические факты (данные социологических опросов, результатов выборов, публичный дискурс и пр.) преподносятся под видом «подлинных» описаний социальной реальности, хотя на самом деле являются не более чем интерпретациями собственных представлений об этой реальности, т. е. самоописаниями. Именно на это указывал Эдвард Саид, призывая обращаться с фактами как «представлениями о представлениях», а не как с «истинностью или безукоризненностью оригинала» (Saïd-2001, 87).

К примеру, много внимания (в частности Общественной палатой РФ) уделяется данным опросов общественного мнения, свидетельствующих о высокой популярности лозунга «Россия для русских». Вкупе с результатами голосования за так называемых националистов на выборах, делается вывод о массовом распространении идей «русского фашизма» в России. Но так ли это?

В Таблице № 1 приведены значения коэффициентов корреляции² (Spearman's Rho) между двумя рядами параметров: 1) долей русского населения в субъектах РФ, согласно последней переписи; и 2) долей голосов, полученных в этих субъектах политиками и партийными списками на выборах 2004 г. (президентских) и 2003 г. (парламентских), соответственно. Субъекты РФ разбиты на две группы: края/области и республики/автономии.

Таблица 1

<i>Партии</i>	<i>Края/области</i>	<i>Республики/автономии</i>
Единая Россия	- 0,1236	- 0,5762
КПРФ	0,1418	0,1970
ЛДПР	- 0,1288	0,8331
Родина	0,1385	0,5802
Глазьев	- 0,0846	0,6621
Малышкин	- 0,1835	0,7213
Миронов	- 0,0256	0,5592
Путин	0,2477	- 0,6826
Хакамада	- 0,2023	0,5740
Харитонов	0,1940	0,4311

² Коэффициенты корреляции показывают наличие/отсутствие взаимосвязи (зависимости) между двумя параметрами. В нашем случае между числом русских в регионе и результатами выборов. Взаимосвязь считается существующей, если корреляция больше 0,3 (см. Коротаев-2005). Начиная с 0,7 взаимосвязь считается очень сильной. Знак «минус» перед коэффициентом корреляции указывает на ее обратный характер: «чем больше один параметр, тем меньше другой параметр». Отсутствие «минуса» говорит о прямом характере связи: «чем больше..., тем больше...».

Приведенные данные указывают, что, во-первых, в краях/областях не наблюдается статистически значимой корреляции между русской|нерусской этнической принадлежностью (самоидентификацией в ходе переписи) и голосованием за партии и политиков, ассоциируемых с идеологией «русского национализма». Другими словами, фактор «русскости» не играл существенной роли, к примеру, для 10 796 869 избирателей краев/областей, когда они голосовали за ЛДПР и «Родину» на парламентских выборах 2003 года, так же как и за представителей этих партий на президентских выборах 2004 года. Единственным политиком, в отношении которого русский избиратель проявил этническую солидарность, является В. Путин, о чем свидетельствует положительная корреляция между результатами его выборов в краях/областях и долей в них русского населения.

Во-вторых, в отличие от краев/областей, республики/автономии показывают очень сильную положительную корреляцию между русской идентификацией и голосованием за националистические партии и политиков. Но такая же положительная зависимость существует и в отношении всех остальных партий и политиков, за исключением «Единой России» и В. Путина. Это значит, что голосование русских в республиках за так называемых националистов обусловлено их оппозиционностью, а не привлекательностью исповедуемых идей. Упрощая, можно сказать: быть русским в республике означает голосовать против правящей партии и действующего президента.

Таким образом, несмотря на разницу электоральных стратегий русских избирателей России, зависящей от конституционного статуса региона проживания, их голосование за партии и политиков, олицетворяющих национализм, в обоих случаях не имеет идейной основы. Рассуждения о популярности националистических настроений среди русского населения России являются не более чем интеллектуальным мифом. Речь может идти только о наличии различающихся моделей электоральной солидарности русских относительно действующей власти, в зависимости от места проживания. В остальном русская идентичность слабо связана с той или иной политико-идеологической ориентацией, будь то «либеральная», «коммунистическая» или «националистическая».

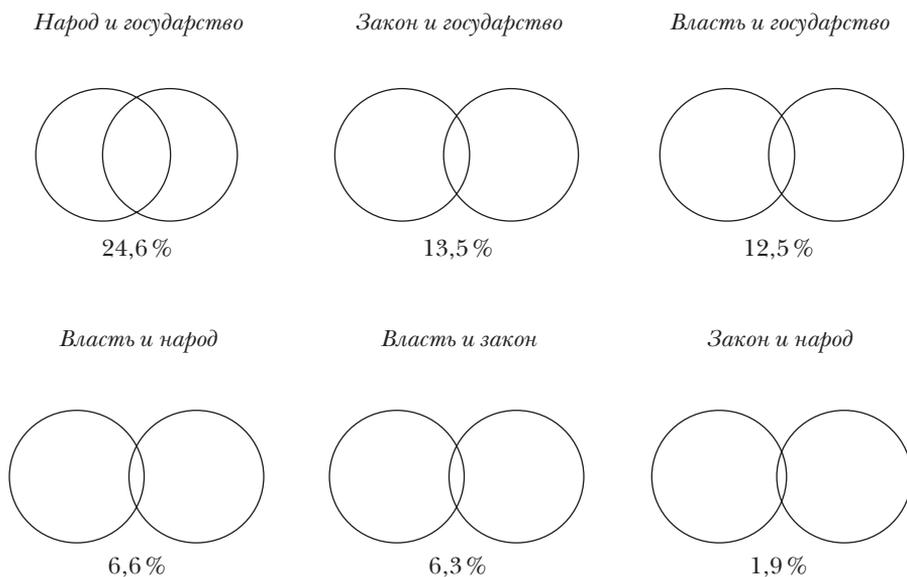
Это указывает нам не только на легковесность рассуждений о «русском фашизме», «русском консерватизме», «исконно русском антидемократизме», «склонности русских к левой идеологии» и прочих мифологемах, но и на то, что все они являются исключительно элитарным продуктом, описывающим политическую реальность в границах Садового кольца, за пределами которого осуществляются совершенно иные по природе описания русского национализма и русской этничности, определяемые «высшей реальностью» их собственной повседневности (*Berger and Luckmann-1991, 35*).

Возвращаясь к «фашистским» интерпретациям данных исследований о массовой поддержке россиянами лозунга «Россия для русских», мы должны признать, что экспертно-политическое сообщество и рядовые жители страны оперируют разными смыслами понятий *Россия* и *русские*. Это означает, что русские люди и российская элита имеют отличающиеся языковые картины мира в части базовых понятий, формирующих национально-государственную идентичность. Перечень таких понятий далеко не исчерпы-

вается двумя упомянутыми. В их число входят и другие значимые термины политической речи.

Например, современные академические словари русского языка отождествляют понятия *власть*, *политика*, *государство*, определяя их посредством друг друга. *Власть* – это «политический строй», «политическое господство», «органы государственного управления». *Государство* – «органы власти», «политическая форма», «политический орган», «синоним – власть» (см.: *Скляревская-2001*; *Дмитриева-2003*; *Лопатин и Лопатина-2004*; *Бабенко-2005*). Иначе их мыслит рядовой пользователь русского языка. О чем свидетельствует «Русский ассоциативный словарь» (*Караулов-2002*), где собраны вербальные реакции-ассоциации на те или иные слова-стимулы 11 000 российских граждан. Диаграмма 1 демонстрирует процент совпадающих ассоциаций на слова *закон*, *народ*, *государство*, *власть*.

Диаграмма 1

Как видно из диаграммы, интуитивные смыслы понятий *государство* и *власть* в обыденном сознании дифференцированы достаточно строго, в то время как семантика смыслов *государство* и *народ* во многом совпадает.

С учетом этого становится понятным, что русские респонденты, поддерживая в ходе опросов лозунг «Россия для русских», тем самым выказывают не свое намерение монополизировать государственную власть в России, а лишь констатируют самоочевидность для них мысли о тождественности русской этничности и российской государственности, осмысливаемых вне властной проблематики. Ведь большинство из них проживает в моноэтнических русских регионах, где никакой другой *России*, кроме русской, не существует. Тем примечательнее феномен «русского голосования» за В. Путина, при

отсутствии такой тенденции относительно пропрезидентской партии. Президент олицетворяет «свое» государство, партия — отчужденную от государства власть. Заметим, что ранее подобного различения русские избиратели не делали. Это результат политики последних лет, включая и кампанию по борьбе с «русским фашизмом». С точки зрения проблематики национализма данный факт является более значимым предметом обсуждения, чем досужие разговоры о «рвущемся к власти» русском народе. Очевидно, что столичное экспертно-политическое сообщество, для которого *государство* и *власть* являются синонимами, воспринимает смысловую «русификацию» России простым народом, как претензию русского большинства на этническую монополию власти. Тем самым лишь подтверждая реальность того, что этничность является значимым фактором властной идентичности для самой российской элиты, активно практикующей этнотерриториальные формы политической и экономической солидарности. Отсутствие этой темы в публичном дискурсе служит еще одним свидетельством, что нынешняя борьба с национализмом на самом деле является частью его воплощения.

Также, как и существование системы этнического апартеида во многих из так называемых национальных республик (см.: *Доклад МБЧ-2005; Белозеров-2005; Иванов-2000, Дробижева-2003*), чье дискурсивное табуирование не более чем продукт самой этой системы. «Русский национализм» здесь, проявляющий себя через русскую электоральную мобилизацию против действующей власти, это национализм дискриминированного меньшинства, чьи модели социального поведения принудительно формируются в терминах этнической конкуренции (*Barth 1998, 16–18; Gellner-1983, 96*). Интенсивный отток русского населения с этих территорий, а с ним и стратегий конфликтных межэтнических отношений, вот главный источник всплеска расовой преступности на улицах крупных городов России. Но экспортируются не только бытовые стратегии межэтнической конкуренции. Протестное голосование русских по отношению к действующему президенту и правящей партии говорит еще и о том, что русское меньшинство, мысля государство и власть как чуждые и враждебные русскому человеку институты, тем самым семантизирует их в качестве единого целого. Семантика неразличающихся смыслов *государство* и *власть* рождает соответствующую ей политическую лексику, где «борьба с властью» равносильна борьбе с государством, а «сила закона» означает закон силы. В свою очередь это воспроизводит дискурс экстремизма и насилия.

Таким образом, не только в теории, но и на практике борьба с национализмом путем его отрицания и стерилизации дискурса приводит лишь к его дальнейшему воспроизводству в намного более опасных для социума формах. Управлять обществом означает взаимодействовать с ним, что невозможно без признания социальной эмпирики национализма во всем разнообразии его проявления. Как заметил М. Манн, «большинство социологических ортодоксий... берут политики, или *государства*, так же как и их “общества”, в качестве тотального единства», которое обеспечивается лишь тотальностью, описывающего их «мастер-концепта» (*Mann-2005, I:2*). В нашем случае, таким тоталитарным «мастер-концептом» является модернистская теория и практика национализма, реализующая себя посредством навязывания обществу «истинных» обозначений, определений и описаний националистической повседневно-

ности. Но «дискурсивное насилие» (Ю. Хабермас) может принудить к отказу от лексики, а не семантики политического языка. В конечном итоге язык лишь вербальная калька социума. Быть с обществом, означает говорить с ним на его языке.

Библиография

1. Бабенко-2005: Л. Бабенко. Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы. М., 2005.
2. Белозеров-2005: В. Белозеров. Этническая карта Северного Кавказа. М., 2005.
3. Бурдые-1993: П. Бурдые. Социология политики. М., 1993.
4. Дмитриева-2003: Толковый словарь русского языка / Д. Дмитриева (ред.). М., 2003.
5. Доклад МБЧ-2005: О русофобии явной и мнимой. Аналитический доклад Московского бюро по правам человека // http://antirasizm.ru/publ_053.doc/
6. Дробижева-2003: Л. Дробижева. Российская, этническая и республиканская идентичность: конкуренция или совместимость // Центр и региональные идентичности в России / В. Гельман, Т. Хольф (ред.). СПб.; М., 2003. С. 47–76.
7. Иванов-2000: Россия: Центр и регионы / В. Иванов, Г. Семьгин (ред.). Вып. 6. М., 2000.
8. Караулов-2002: Ю. Караулов, Г. Черкасова, Н. Уфимцева и др. Русский ассоциативный словарь. В 2-х т. М., 2002. Т. 1.
9. Коротаев-2005: А. Коротаев, А. Малков и Д. Халтурина. Законы истории. Математическое моделирование исторических макропроцессов. Демография, экономика, войны. М., 2005.
10. Лопатин и Лопатина-2004: В. Лопатин и Л. Лопатина. Русский толковый словарь. М., 2004.
11. Луман-2004: Н. Луман. Общество как социальная система. М., 2004.
12. Луман-2005: Н. Луман. Эволюция. М., 2005.
13. Маркс и Энгельс-1940: К. Маркс, Ф. Энгельс. Манифест коммунистической партии // К. Маркс. Избранные произведения. В 2-х т. М., 1940. Т. 1. С. 131–168.
14. Складская-2001: Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия / Г. Складская (ред.). М., 2001.
15. Тишков-2003: В. Тишков. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003.
16. Bartelson-2001: J. Bartelson. *The Critique of the State*. Cambridge, 2001.
17. Barth 1998: F. Barth. *Introduction // Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Culture Difference* / F. Barth (ed.). Waveland Press, 1998, P. 9–38.
18. Brubaker and Laitin-1998: R. Brubaker, D. D. Laitin. *Ethnic and Nationalist Violence // Annual Review of Sociology*. 24. P. 423–452.
19. Bourdieu-2002: P. Bourdieu? L. J. D. Wacquant. *An Invitation to Reflexive Sociology / Polity*, 2002.
20. Bourdieu-2005: P. Bourdieu. *Language and Symbolic Power*. Polity Press, 2005.
21. Eriksen-2002: T. H. Eriksen. *Ethnicity and Nationalism*. 2-d edition. Pluto Press, 2002.
22. Foucault-2002b: M. Foucault. *Truth and Power* // M. Foucault. *Power*. Penguin Books, 2002. P. 111–133.
23. Gellner-1983: E. Gellner. *Nations and Nationalism*. Oxford, 1983.

24. Hay, Lister and Marsh-2006: C. Hay, M. Lister and D. Marsh. *The State: Theories and Issues*. Palgrave, 2006.
25. Hobsbawm-2004: E. J. Hobsbawm. *Nations and nationalism since 1780. Programme, myth, reality*. 2nd edition. Cambridge UP, 2004. Русскоязычный вариант: Э. Хобсбаум. *Нации и национализм после 1780 г.* СПб., 1998.
26. Lowie-1927: R. Lowie. *The Origin of the State*. New York, 1927.
27. Luhman-1990: N. Luhman. *The State of the Political System» // N. Luhmanю Essays on Self-Reference*. Columbia UP, 1990. P. 165–174.
28. Malešević-2004: S. Malešević. *The Sociology of Ethnicity*. Sage Publications, 2004.
29. Mann-2003: M. Mann. *The sources of social power. Volume I: A History of power from the beginning to A. D. 1760*. Cambridge, 2003.
30. Maturana-1970: H. Maturana. *Biology of Cognition» // R. Maturana, F. Varela. Autopoiesis and Cognition: The Realization of the Living*. Boston Studies in the Philosophy of Science. Vol. 42. D. Reidel Publishing Co., 1980. P. 5–58.
31. Maturana and Varela-1973: H. Maturana and F. Varela. *Autopoesis: The Organisation of the Living» // R. Maturana and F. Varela. Autopoiesis and Cognition: The Realization of the Living*. Boston Studies in the Philosophy of Science. Vol. 42. D. Reidel Publishing Co., 1980. P. 59–134.
32. Renan-1882: E. Renan. *Qu'est-ce qu'une nation?» // Nationalism» / J. Hutchinson, A. Smith (ed.). Oxford, 1994. P. 17–18.*
33. Said-2001: E. Said. *Orientalism» // The Edward Said Reader» / M. Bayoumi, A. Rubin (eds.). Granta Books, 2001. P. 63–113.*
34. Skinner-1999: Q. Skinner. *The State» // Political Innovation and Conceptual Change*. T. Ball, J. Farr, R. Hanson (eds.). Cambridge, 1999. P. 90–131.
35. Spenser and Wollman-2002: P. Spenser and H. Wollman. *Nationalism: A Critical Introduction*. Sage, 2002.
36. Tilly-2002: Ch. Tilly, «War Making and State Making as Organised Crime» // *Bringing the State Back In*. P. Evans, Rueschemeyer, T. Skocpol (eds.). Cambridge, 2002. P. 169–191.
37. Wallerstein-2002: I. Wallerstein. *The Construction of Peoplehood: Racism, Nationalism, Ethnicity» // E. Balibar, I. Wallerstein. Rase, Nation, Class: Ambiguous Identities*. Verso, 2002. P. 71–85.